

стр. 3, литван

Критическіе наброски.

(РАЗГОВОРЪ).

I.

Кто изъ насъ не знаетъ и не встрѣчалъ людей отицано добродѣтельныхъ и въ то же время еще болѣе отицано скучныхъ? Не то квакеры, не то полковскіе, не то педагоги, не то наставники, не то ревнители идеальнаго добра и совершенной правды, не то просто равносители мертвешей скуки по лицу земли, — эти люди, сами по себѣ безобидные и скорѣе жалкіе, становятся опасными, когда попадаютъ въ среду илихонуть склонную преклонять къ ихъ благимъ наставленіямъ и почтительнѣйшимъ указаніямъ благосклонно внимающее ухо. А такую средю, конечно, всего лучше и чаще, можетъ служить среда искусственно безжизненная, гдѣ все дѣлается по правилу и гдѣ самое лучшее — не работать, не сѣяться и въ концѣ-концовъ просто не жить активно, довольствуясь устричнымъ провансомъ, если не хочешь явиться рѣзкимъ нарушителемъ десяти тысячъ правилъ и меромоній, или боишься вступить въ прямое противорѣчіе съ ходячими предразсудками и вышенными идеями, которыхъ правила и меромоніи запрещаютъ критиковать. Мы же, русскія пресловутая интеллигенція, всего ближе стоимъ къ такой полуживой мертвешей средѣ и потому частенько преклоняемъ наши уши къ наставленіямъ и предложеніямъ людей скучныхъ. Почти типичнѣйшимъ представителемъ подобнаго сорта людей является докторъ Львовъ, въ драмѣ Ал. Чехова «Ивановъ». Посмотрите, какой это благожелательный и по своему честный и рѣшительный даже человекъ — этотъ докторъ, а между тѣмъ вѣроятно, трагедія жизни Иванова вышедшая бы такой мрачной и тяжелой, если бы въ нее не вступалъ по собственному почину и притомъ только ради высокаго требованій абсолютной честности эта жалкая тупица! Не лучше выходить, когда подобныя сладкіе умищцы выливаются въ жизнь народа, дурное поведение, грубыя наклонности котораго всегда ихъ такъ глубоко печалитъ и такъ сильно заботитъ. Усердно стараясь облагородить, научить народъ и отучить его отъ грубости его привычекъ и непохвального поведения, они при достаточной власти вполне способны довести его до изступленія и бѣшенства, также откровенно и безсознательно, какъ Львовъ довелъ до самоубійства и отчаяннаго кроткаго Иванова. Въ исторіи военныхъ поселеній мы видѣли блестящее доказательство справедливости такого вывода. При проектированіи этихъ колоній, ав-

торомъ ихъ руководили самыя высокія мысли и желанія, и такъ какъ у него же оказалась въ рукахъ и безграничная власть довести свою фантазію до осуществленія, то и результатъ оказался такимъ же конечнымъ и совершеннымъ, каковы было самое выполненіе фиктивной идеи.

Скучные люди аракчеевскаго пошиба прежде всего не понимаютъ, что понятіе не исчерпывается словами, но заключаетъ въ себѣ непреложную и неизбѣжную сущность, которую нельзя изжить простыми переименованіемъ. Мысли только словами и раздѣляя всѣ слова на хорошія и не хорошія, всѣ выражающія эти понятія — на пошлыя и благородныя, эти несчастные мыслители глубоко убѣждены, что стоитъ только пошлую сущность выразить благороднымъ словомъ,

какъ все станетъ сразу же прекраснымъ, широкость будетъ неровносна въ калачку новатій благородныхъ, худое слово вычеркнется и замѣнится словомъ хорошимъ, и все окажется въ порядкѣ. Возьмите, напримеръ, водку. Водка, какъ болѣе или менѣе разбавленный алкоголь, въ чистомъ видѣ представляющій страшнѣйшій ядъ для нашего организма, представляется предметомъ вреднымъ и дѣйствуетъ на пьяницъ худо лишь постольку, поскольку содержитъ въ себѣ абсолютно ядовитаго алкоголя. Следовательно, кто въ этомъ увѣренъ, долженъ говорить противъ употребленія водки и алкоголя вообще. Изъ этого направленія возможны серьезныя споры только среди фیزیологовъ и химиковъ на почвѣ опыта и никакіе иные. Но люди, у которыхъ водка и пьянство записаны въ разрядъ словъ нехорошихъ, поступаютъ иначе. Они позорное слово *клубокъ* замѣняютъ словомъ *винная лавка*, слово *цѣловальница* — замѣняютъ словами *агента по продажѣ вина*, и если еще дать этому агенту чинъ, то, по ихъ мнѣнію, алкоголь перестанетъ оказывать плохое вліяніе на человѣческій организмъ и пьянство немедленно же прекратится. Если же фактически оно не прекращается, то тогда надо обратить вниманіе на другія нехорошія слова, — на *закоренное упорство*, *неповиновеніе властямъ* (особенно же, если съ насиліемъ надъ казенной посудой) и замѣнить ихъ словами хорошими — *фатскимъ послушаніемъ*, на *приказъ*, и *благоразумною рѣзубительностью*. Вотируйте послушаніе въ это упорство и непослушаніе въ это неповиновеніе и дѣло мгновенно будетъ поставлено на правильную точку. О, трижды счастливые Маниловы!

II.

Въ числѣ словъ, коихъ еще нейтральныхъ и восточно-восточныхъ изъ

записной книжечки словъ худыхъ въ записную книжечку словъ благородныхъ, стоитъ плохо разрѣшимой загадкой слово *народъ*. Что это за таинственный незнакомецъ, понять часто трудно. То этотъ народъ требуетъ для себя розогъ, то стремится проливать свою кровь за высокіе идеалы культуры, оставаясь самъ въ грязи и сирадѣ невѣжества и во власти тьмы полнѣйшаго одичанія, то онъ, какъ дитя малое, сморкаться не умѣетъ безъ помощи добродѣтельнаго резнигеля его интересовъ, то, напротивъ, становится на пьедесталъ историческаго фетиша, въ которомъ все премудро и все превосходно до святости и чистоты. Въ зависимости отъ метаморфозъ, какія претерпѣваетъ это слово въ устахъ тѣхъ или другихъ скучныхъ людей, самое слово то низвергается въ пропасть забвенія человѣческаго, то подымается выше ходячаго облака и слышитъ себѣ неслуженную «Осанну». Между тѣмъ сущность, которой полно это слово, въ высшей степени проста и конкретна. Публика, это—хорошо одѣтый народъ, нѣлющій возможность опантаться своимъ страсти, пороки и добродѣтели по существующей на этотъ счетъ средней таксѣ; напротивъ—народъ, это—мечисто одѣтая публика, не всегда нѣлющая возможность жить по таксѣ, доступной публикѣ хорошо одѣтой. Вотъ и все. Одѣйте народъ—получите публику, раздѣйте публику—получите народъ. Словомъ, эти понятія только экономически различны. Этика, религіозныя понятія, нравы, личная талантливость отдельныхъ особей тутъ рѣшительно не при чемъ, конечно, принимая всегда въ расчетъ непреложное

положеніе интеллигентной толпы, относительно нормальной средней интеллигентной составляющихъ ее особей, которая, конечно, тѣмъ важнѣе, тѣмъ толпа больше своемъ массомъ. Въ этихъ же необъятныхъ и механическому закону подверженныхъ ограниченіяхъ, отдельные таланты публики и народа смѣло могутъ соперничать другъ съ другомъ, не давая ни той, ни другой сторонѣ ни малѣйшаго перевѣса. Ломоносовъ—народъ, Эдмонтъ—народъ, Жакъ-Мартъ—тоже народъ. Напротивъ на парижскомъ базарѣ была избранныя публика и вела себя хуже, чѣмъ народъ въ Ходынкѣ. Словомъ, тутъ на самомъ дѣлѣ никто никому завидовать не долженъ и никто никому утѣреть носа не можетъ. Посмотрите на толпу раззолоченныхъ придворныхъ и высшихъ чиновъ войска во время большихъ баловъ во дворцѣ и вы потеряете всякій критерій между толпой интеллигентной и толпой народа. Вся разница въ томъ, что одна толпа раззолочена, а другая сѣра, но ни той, ни другой человѣчески побужденія, страсти и добродѣтели одинаково не чужды.

Но такъ можно смотрѣть на народъ только тѣмъ, у которыхъ нѣтъ записныхъ

книжечекъ для словъ дурныхъ и хорошихъ, нѣтъ манеры судить о сущности вещей единственно по словамъ ихъ обозначающимъ. Такъ могутъ судить люди, понимающіе и вѣнчающіе во всякомъ явленіи человека, его страсти, его потребности, радости, надежды и огорченія. Напротивъ, тѣ, кто ищетъ прежде всего словъ хорошихъ и дурныхъ, для тѣхъ часто чуждо именно все человеческое, непонятны ни страсти, ни ихъ причины и вытекающія изъ нихъ слѣдствія. Установивъ для себя стройную лѣстницу чисто логическихъ дедукцій изъ апіорныхъ положеній, эти люди и отрицаютъ зря, не справляясь съ дѣйствительностью, и полагаютъ, и предлагаютъ совершенно механически, не отдавая себѣ никакого отчета, какъ будетъ принято ихъ предложеніе самою жизнью. Отсюда-то и получаются всякія бѣдствія, совершенно ненужныя, и тѣмъ болѣе ужасныя, что они вызваны только неразумной фантазійю и мыслью, вполне произвольной и предвзятой. Цитирую опять тѣ же аракеевскія поселенія, доведшія облагодѣтельствованный народъ до такого изступленія, что онъ закапывалъ своихъ благодѣтелей по шею въ землю и разбивалъ о торчащую голову отца головы его неповинныхъ владѣльцевъ. Конечно, надо быть уже до чрезвычайности добрымъ къ народу, чтобы довести его до подобнаго озвѣрѣнія.

Въ настоящую минуту о народѣ говорятъ опять очень много: такъ, по поводу безконечнаго дворянскаго вопроса, — говорятъ и вновь возродившійся славянофильскій органъ С. Н. Шарапова «Русскій Трудъ», и даже по поводу способовъ и средствъ доставить народу увеселенія, которыя отвлечли бы его отъ бѣдствіа кабака. Оставляя славянофиловъ доказывать, по собственному ихъ признанію, идеальную утопію новой теократіи и не мѣшая никому разрѣшать по своему вѣроу о возвращеніи дворянству значенія *патристическаго* сословія въ государствѣ, я скажу нѣсколько словъ о попыткахъ помирить народъ и дворянство именно такъ, какъ ему самому хочется, и поставить его вѣселяться по тѣмъ самымъ методамъ, которые вѣселятъ самихъ привола къ безпросвѣтному слуху и непобѣдимой проострации. И шепочетъ нѣтъ, къ слову сказать, что и *патристическое*

фильское теократіи и *патристическое* дворянство суть именно только порожденія нашей неизлечимой проострации и скуки литературной и спеціальной. Будь у насъ въ этомъ направленіи во-всѣгда, да возможности, отъ вопиющаго извѣстнаго вѣдѣнія хорошаго поселенія, не та, не другая идея не были бы себѣ вѣнчающіе *патристическіе*. Видъ ужъ *патристическаго* *патристическаго* и притома съ большими *патристическими*.

3
Мертвый из гробъ вышел он,
Живым вальсуясь живучей!

III.

За послѣдній годъ въ газетѣ «Новое Время» появился молодой сотрудникъ г. Олѣ, человекъ несомнѣнно добродѣтельный, грамотный, но скучный. Правду сказать, что въ стремленіяхъ своихъ къ добродѣтели онъ немнѣвно торопится. Еще на-дняхъ онъ разразился грозной статьёй противъ семей, подобныхъ семьѣ доктора Якубовича, требоващаго судебнымъ порядкомъ со своего тестя похищенное приданое умершей жены, и на другой же день прислалъ самоопроверженіе, ссылаясь на то, что былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными отчетомъ «Петербургскаго Листка». Хорошо это—но торопиво, и, можетъ быть, выборъ источника нѣсколько слабавать. Точно также и въ статьѣ «Народное веселье» г. Олѣ увѣрять читателей «Новаго Времени», что другой сотрудникъ той же газеты способствуетъ исключительной передачѣ народныхъ увеселеній балаганщиками Малафѣеву и Лейферту. Посмотрѣвъ я въ указанную статью и, къ удивленію, ничего подобнаго рѣшительно тамъ не нашелъ. Напротивъ, тамъ категорически сказано по поводу вѣвшей большой и заслуженный успѣхъ фееріи «Сень Симеоновъ», что,

«Конечно, театръ можетъ быть сдѣланъ толмѣмъ, конечно, текстъ можетъ быть написанъ заправскими литераторами, а декораций написаны настоящими художниками, спеціальную музыку могутъ писать лучшіе композиторы, и играть вѣдь все это настоящіе актеры, умѣющие в костюмъ носить, и стихи говорить, и вѣсенку свѣтъ гармонично. Но представленіе не должно превосходить одного часа времени, и съ перерывомъ дѣлаться непремѣнно въ чистую, какъ это дѣлается и очень недурно у Лейферта. При этихъ условіяхъ, можно дѣлать въ праздники по десятѣ сборовъ въ день, и если цѣны нѣстанъ будутъ даны соотвѣстственными работѣ публики, то вѣ у насъ вѣрное занятіе театромъ съ національнымъ репертуаромъ, который будетъ легко выдерживать по сто и болѣе представленій, уѣзжая впродѣ в давая новыя источники существованія и литератору-драматургу, и декоратору, и музыканту, и актеру. Была бы и сказки, самыхъ поэтическихъ и полныхъ глубокаго поучительнаго и социального смысла, у насъ—непочатый край вѣ этотъ кладъ надолго хватать, чтобы разнообразить представленія народныхъ театровъ. Наконецъ, нѣчто и никто не имѣаетъ проявить здѣсь и самостоятельное творчество, если оно у кого окажется въ запасѣ».

Кажется, въ этихъ словахъ рѣшительно нѣтъ никакихъ поправокъ и непремѣнно запрятать народъ въ балаганъ, притомъ же еще и монополизмъ! Совсѣмъ напротивъ, и напечатано это не въ коварномъ «Петербургскомъ Листкѣ», а въ той же почтенной газетѣ, гдѣ пишеть и г. Олѣ! Поневолѣ скажешь: нехорошо читаетъ у насъ официально признающій себя хорошимъ человекъ. Вычитавъ же балаганную монополию для увеселенія народа г. Олѣ не спроста,—ему надо было это вычитать, чтобы проводить свои мысли объ увеселеніяхъ народныхъ съ цѣлью его непремѣнно облагородить. Просте веселиться народу нельзя же доволить, а потому необходимо, выставивъ на сцену новорный балаганъ (слово не хорошее), тѣмъ яже отбѣить

хорошія мысли о поучительности для народа «Ревизора».

Извольте видѣть,—приведенная сценка, въ которой просто и красиво доказывается безграничная талантливость народа, его богатая смѣлка, его самоотверженная любовь къ Царю и, наконецъ, его непритязательность на награду за подвиги,—для народа не поучительна, а вотъ грязная сатира, похвально-наивная въ «Ревизорѣ» и удалившаяся даже иностранцами своею рѣзкостью и карикатурностью тинновъ, выходитъ, и забавна, и художественна, и поучительна, именно для того самого народа, который родилъ и родилъ до сихъ поръ на самомъ дѣлѣ тѣхъ же сказочныхъ богатырей, пролѣ, наприрѣтъ, самоотверженныхъ солдатъ, какими мы ихъ видѣли хотя бы при послѣдней катастрофѣ съ юнкосами поѣздомъ на Балтійской дорогѣ.

И до чего просто и плоско разсуждаютъ современные хорошіе люди? На наслѣдничествѣ полѣ традиціонный Петрушка, услаживающій и намъ наше дѣтство, да и не намъ только, а и вѣбать европейскимъ дѣтству отъ простого мальчишки-подмастерья до великаго Гете включительно. Но Петрушка—балаганъ, а балаганъ—слово пошлое, потому и все, что говоритъ Петрушка, пошло.

— Руки не жавать, кричать солдатъ.—Вѣтъ по ушатъ, возражающъ глухой и дѣвочъ драгъ.—Идѣмъ чертъ улицу.—Чѣ? Намѣлъ турану?

По поводу этого избѣятаго представленія, нѣтъщаго совершенно подобнаго же прототипу и у Мольера, нашъ авторъ не-лашколчески замѣчаетъ:

— Развѣ уже очень негребивательный мальчишка отъ сапожника (сапожничъ—слово пошлое) или дѣвка губомъленка (?) вдругъ заглотчуть, но тотчасъ же неугаються и конфузливо оглаждаются по сторованъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, какъ и не конфузятся, когда рядомъ стоитъ г. Олѣ съ печатью думы на челѣ!

А между тѣмъ стояло бы только взглянуть въ христоматию, и тамъ г. Олѣ нашѣлъ бы эпитамию Пушкина:

Глухой глухого звалъ къ суду суды глухого и т. д.

Иковецъ, въ одобренной сто разъ азбуки Ушинскаго, на видномъ мѣстѣ, стоитъ разговоръ:

— Который часъ?—Кислый квасъ.—Сколько минутъ?—И конники тутъ.—Которая четверть?—Ильволь-ка чернать.

Пли и это для мальчишки отъ сапожника и для дѣвки губомъленки?

Затѣмъ, желательна было бы спросить у людей, подобныхъ г. Олѣ: что художественнаго и забавнаго въ такихъ фантѣмахъ, какъ Держиморда, въ прикѣсленіи къ полицейскому, или какъ Земляника, подобранная для чисто вѣвшей остроумъ: «А подать сюда Землянику»? Что поучительнаго въ разсказѣ о двухъ крысахъ въ устахъ Духавонскаго, въ полѣпномъ разговорѣ о вѣршнѣхъ и рѣкункѣ, въ моменты, когда въ вѣнѣтъ государствѣ болѣе тридцати лѣтъ тысячѣ версты желѣзныхъ дорогъ? Что поучительнаго въ сценѣ обирахъ Хлесталонихъ вѣпротнѣныхъ болвановъ, составляющихъ интеллигенцію ископаемаго уѣздаго города?

4
Наконец, почему народу должно нравиться то, что и сам не нравится, что и нас не собирает уже в театр, потому что все это пережито, перечувствовано, радикально изжито, если не по существу, то по формам—почему? Почему и, нисколько не имея право посягать на труд наслаждаться, смотри «Триггера Серафима», и бдливый рабочий антейной мастерской, или ада котельной закропотливой должен находить удовольствие в вычурных и усложненных красотах такой злой сатиры, как «Ревизор»?

Конечно, на эти остроумнейшие вопросы такие прачечники его подучить ничего путного не могут. Из их записных книжечек еще со школьной скамьи записано: «Ревизор»—классическое представление, а все классическое благородно, и потому всеобщим народом смотреть благородно. И непременно эстетично, потому что собственной волей, собственными побуждениями и вкуса у этого народа и нет, и быть не может.

Впрочем, с г. Огъ можно говорить всего больше потому, что наивность его рьятельно исключительная, даже в страхе так скучных людей благородных капризов, к числу которых он несомненно принадлежит.

Вот, например, еще небольшая цитата.

Показывает расписки какой-то могущественный город с остроповетскими башинами и горюхи:

Вот город Лондон,
Там на излете богатой,
Дорогой странный.
От тесноты народ один поворачивается
И на счет тушек пармозов озабочивается!

Хорошее представление об Англии получить какой-нибудь зритель из чужих подмастерьев! Патетически восклицает наш автор, не подозревая, сколь это его собственное восклицание превосходно и поучительно. Но радонь тот же автор полагает, что расписки показывают толпачку в турнюры и также жутить его по стилю

повою. Любимую нежность с собой своим оповещает г. Огъ и так, что, когда он приближился к лотерейной фортуны, то предпринимать, почему-то почуяв в нем фант, который не-свидетельствовать: «Не сомневайтесь, сейчас приставь приклад и дождитесь. Вот, сладостно, до чего г. Огъ распространил свое незорское усердие! Но усердие усердие, а есть тут и идея, идея эта—противопоставить балагану с репертуаром героический благородный театр, но поощренный субсидиями, так как идея последнего не просто увеселительная, но поучительная и педагогически поучительная. Да, субсидия, это—последнее слово всех устроителей народных развлечений на педагогической подкладке! Просите субсидии нивой для издания, например, чистой газеты, без обязательных объявлений, за счет которых содержится вся пресса мира, это будет субсидия моральная и поступок благородный; попросите той же казенной субсидии для театра со скучными репертуарами, это уже будет субсидия благородная и поступок похвальный!

Долой так, кто арендует у общества или города потребность в увеселениях масс. Это разорителен,—они учат народ только грубости и злорадному смеху. То-ли дело показывать Деркину, да подавать Землянику, да учить, как надо витьки с дураков брать, и за это получать хорошую субсидию да еще и титул благодетеля и просветителя народного. Да, это несомненно выгода первого и потому иной раз кажется, что особенно хорошие люди, с незорскими замашками насчет нечистоты народных нравов и грубости его увеселений, но так просто, как кажутся, и сами иной раз врано знают, где раки зимуют. Впрочем, можно быть, это и не так, и тут, как и везде, крайности склещиваются и выжидают по простоте лобоваться с рекламистом

Н. Лоджский.